

ОБ ИЛЛОКУТИВНО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ ПОБУЖДЕНИИ В СОВРЕМЕННЫХ ЧЕШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

А.И. Изотов

В случае с иллокутивно специализированным побуждением и в русском, и в чешском языках речь идет прежде всего о побудительных эксплицитных перформативных конструкциях. В отличие от иллокутивно универсальных конструкций с императивом, конструкция перформативная позволяет более или менее однозначно специфицировать иллокутивный тип побуждения в обоих сопоставляемых языках, ср. чешск. *Přikazují ti (rozkazují ti, zakazují ti, žádám tě, vyzývám tě, prosím tě, navrhuji ti, doporučuji ti, radím ti...), abys tam přišel /...abys tam nechodil* и русск. *Я приказываю тебе (велю тебе, запрещаю тебе, требую от тебя, призываю тебя, прошу тебя, предлагаю тебе, рекомендую тебе, советую тебе...) туда пойти / туда не ходить.*

Так же, как и в случае с иллокутивно универсальным побуждением, речь идет о категориальной императивности, поскольку главной (а в большинстве случаев и единственной) функцией высказываний рассматриваемого типа является именно экспликация побуждения, однако в отличие от императивных побудительных высказываний, побудительные высказывания перформативные за пределами письменного официально-делового общения достаточно малоупотребительны. Так, в нашем извлеченном сплошной выборкой материале¹ перформативные выска-

¹ Мы подвергли статистической обработке приблизительно равные (по пять тысяч единиц для каждого языка) массивы чешских и русских примеров, извлеченных сплошной выборкой из произведений современной художественной прозы, при этом мы старались использовать соотносительные по объему произведения. Были использованы следующие издания: *Adlová V. Růže z Flander. Praha: ČS, 1976. 168 s. Erben V. Poklad byzantského kupce. Bláznová smrt. Praha: ČS, 1986. 352 s. Frajs J. Klec plná siláků. Praha: ČS, 1978. 188 s. Franková H. Ubohý Džony. Praha, ČS, 1988. 304 s. Kadlec J. Balada o smutném boxerovi. Praha: ČS, 1981. 208 s. Kapek M. A je to gól! Praha: Práce, 1983. 368 s. Klevis V. Abiturienti. Praha: ČS, 1975. 180 s. Körner V. Anděl milosrdenství. Praha, ČS, 1988. 200 s. Kratochvíl M. V. Evropa tančila valčík. Evropa v zákopech. Praha: ČS, 1982. 528 s. Marek J. Můj strýc Odysseus. Praha: MF, 1979. 276 s. Navrátil J. Košťýř. Praha: ČS, 1978. 144 s. Petiška E. Svět plný lásky. Praha: ČS, 1979. 236 s. Psůtková Z. Růže z Bertramky. Praha: ČS, 1988. 168 s. Souchop J. Laskavý nezámek. Brno: Blok, 1986. 208 s. Suchl J. Hledání červené rukavičky. Praha: ČS, 1977. 120 s. Štěpán L. Vysoko letí ptáci. Praha: ČS, 1980. 180 s. Švandrlík M. Vražda mlsného humoristy. Praha: Práce, 1990. 144 s. Volný Z. Den neposkvřitého srdce. Praha: ČS, 1980. 236 s. Аксенов В. П. Остров Крым. М.: Изограф, 1997. 416 с. Алешковский Ю. Кенгуру. Воронеж: АМКО, 1992. 192 с. Булычев К. Агент КФ. Подземелье ведьм. Город Наверху. М.: Армада, 1998. 474 с. Войнович В. Н. Москва 2042. М.: СП Вся Москва, 1990. 350 с. Довлатов С. Д. Зона. СПб.: Новый Геликон, 1996. 224 с. Кабаков А. А. Ударом на удар, или подход Кристаповича. М.: Авлад-Файн, 1993. 208 с. Пелевин В. О. Жизнь насекомых. [Омон Па]. М.: Вагриус, 1997. 352 с. Пьехух В. А. Государственное дитя. Повести. Рассказы. М.: Вагриус, 1997. 448 с. Солжени-*

звания (включая периферийные типы) составляют около 2% чешских побудительных высказываний и около 4% — русских. Для сравнения отметим, что императивные побудительные высказывания (включая периферийные типы) составляют 71% (66% — базовые типы, 5% — периферийные типы) для чешского материала и 69% (соответственно 64% и 5%) — для материала русского.

Как нам представляется, реальная малоупотребительность эксплицитных перформативных формул в обоих сопоставляемых языках связана или, вернее, взаимосвязана именно с их основным свойством — максимальной выразительностью и однозначностью. В речевом общении действует «максима идиоматичности» Серля («говори идиоматично, если только нет особой причины не говорить идиоматично» [Серль 1986: 215]).

Точность и однозначность важна в *официальной* сфере, и там эксплицитные перформативные формулы к месту. В связи с этим отметим то обстоятельство, что для демонстрации наиболее существенных черт перформативности создатель термина «перформатив» Дж. Л. Остин обращается прежде всего к *официальному* речевому общению.

Так же к месту эксплицитные перформативы и при выражении тех социально значимых разновидностей побуждения, которые маркированы по параметру «различия в энергичности, с которой подается иллокутивный акт» (о предложенных Дж. Р. Серлем двенадцати параметрах см. [Серль 1986: 175]).

За пределами же названных сфер буквальность не приветствуется, а поэтому и эксплицитные перформативные формулы с их слишком выразительным оформлением, затрудняющим их переосмысление (мы имеем в виду обычные в обоих языках транспозиции одного подтипа побуждения в другой, например, *просьба* → *требование*, *совет* → *предостережение* и т. п.), оказываются не у дел.

Вслед за Дж. Л. Остином мы различаем эксплицитные перформативные конструкции типа *Я прошу вас дать мне воды!* и функционально эквивалентные им имплицитные (скрытые) перформативные конструкции типа *Воды!*². Таким образом, рассматриваемая нами *перформа-*

цын А. И. Один день из жизни Ивана Денисовича. М.: ИЦ Новый мир, 1990. 96 с. *Стругацкие А. и Б.* Понедельник начинается в субботу. Сказка о тройке. Трудно быть богом: Повести. М.: Текст, 1996. 447 с. *Филатов Л. А.* Любовь к трем апельсинам. Сказки, повести, пародии. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. 416 с.

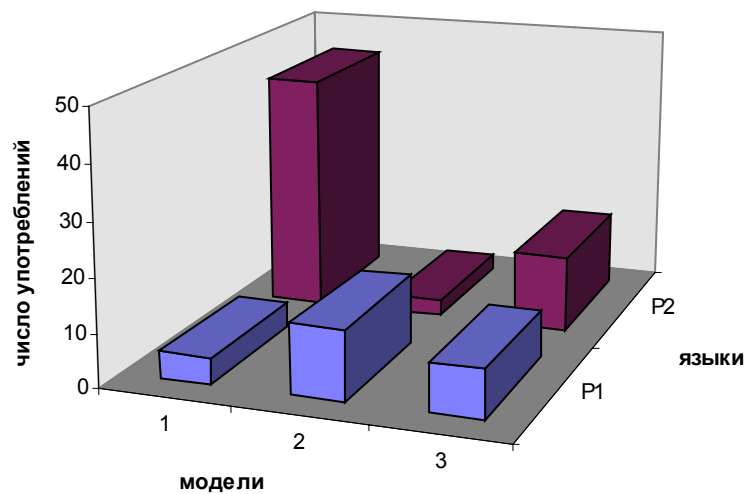
² Ср.: «Любое высказывание, являющееся в действительности перформативным, должно обладать свойством раскладываться или раскрываться в такой форме, которая содержит глагол в первом лице единственного числа настоящего времени действительного грамматически залога изъявительного наклонения. <...> Поэтому «С поля» эквивалентно «Я объявляю, провозглашаю, выставляю или выкликаю вас с поля». <...> «Вас предупреждают, что бык опасен», эквивалентно высказыванию «Я, Джон Джонс, предупреждаю вас, что бык опасен» или «Этот бык опасен. Джон Джонс (подпись)» [Остин 1986: 62-63].

тивность оказывается шире *коинциденции* Э. Кошмидера³, с которой она иногда соотносится [Апресян 1995. Т. 2: 199]. Это в определенном смысле обуславливается внутренней формой обоих терминов. В то время как *коинциденция* декларирует совпадение описания действия и выполнения этого действия, *перформативность* декларирует их тождество (произнесение определенных слов является выполнением определенного действия), что, в частности, позволяет Ю. Д. Апресяну, выдвигающему тезис о приоритете перформативной формулы над перформативным глаголом, рассматривать в качестве перформативных такие высказывания, как *Прости!* (эквивалент высказывания *Прошу у тебя прощения*), *Честное слово!* (эквивалент *Даю тебе честное слово*), *Спасибо!* (эквивалент *Я благодарю*) и т. п. [Апресян 1995. Т. 2: 203], о коинцидентальности которых говорить не приходится. Удачной представляется концепция Й. Крекича, относящего к эксплицитным побудительным перформативам (включая косвенно-эксплицитные) побудительные высказывания, содержащие перформативный глагол в той или иной форме либо его производное [Крекич 1993: 10-11].

В соответствии с нашим материалом, в обоих сопоставляемых языках около трети от общего числа побудительных перформативных высказываний образовано с помощью эксплицитных перформативных формул, в которых отчетливо выделяется «модусная» часть, содержащая форму 1 л. ед. ч. индикатива настоящего времени перформативного глагола (*Прошу садиться*), и «диктумная» часть, содержащая инфинитив (*Прошу садиться*), либо придаточное предложение (*Я требую, чтоб улыбнулся ты; Предупреждаю, что туда идти опасно*), либо существительное (прежде всего отглагольное существительное со значением действия — *Прошу прощения*). При этом употребительность той или иной модели в сопоставляемых языках будет неодинаковой: в то время как в чешском наиболее употребительной моделью является модель с оформленным кондиционалом придаточным предложением в «диктумной» части перформативного высказывания, для русского речеупотребления более узальной является модель с инфинитивом, ср. следующую диаграмму, демонстрирующую относительную употребительность названных моделей в нашем извлеченном сплошной выборкой материале.

³ Ср.: «Под коинциденцией я подразумеваю совпадение слова и действия, но отнюдь не в смысле простой одновременности, а в том смысле, что слово, которое произносится, как раз и есть само обозначаемое действие. Если, например, высказывание *piszę* "я пишу" ни при каких обстоятельствах не есть сам акт писания, являясь лишь сообщением об этом акте, то высказывание *proszę* "я прошу" может быть как раз той просьбой, о которой это высказывание говорит, и именно этот случай мы называем коинциденцией. Очевидно, речь идет здесь только о глаголах говорения (в широком смысле) и только о первом лице, так как произнесение слов говорящего, естественно, не может быть действием кого-то другого». [Кошмидер 1962: 163].

**Употребительность базовых моделей
побудительных эксплицитных
перформативных конструкций**

Языки:

Ряд P1 — чешский язык.

Ряд P2 — русский язык.

Модели:

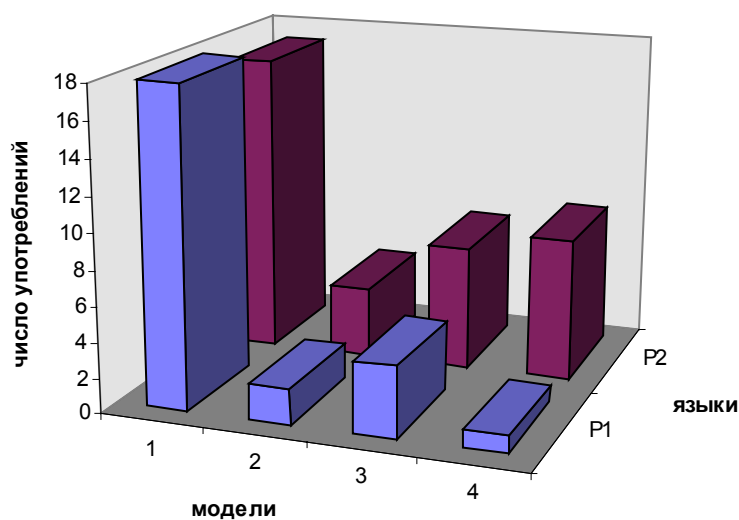
1. Модель с инфинитивом типа чешск. *Prosím vás dát na to pozor!* и русск. *Я прошу вас обратить на это внимание!*
2. Модель с придаточным предложением типа чешск. *Žádám, abyste mě vyslechl!* и русск. *Я требую, чтобы вы меня выслушали!*
3. Модель с существительным типа чешск. *Žádám náhradu škody!* и русск. *Я требую возмещения ущерба!*

Названные выше модели представляют собственно «коинцидентальные», по Кошмидеру, побудительные перформативные высказывания. Однако нередко мы имеем дело с редукцией или трансформацией как «модусной», так и «диктумной» части, при этом трансформация «модусной» части более характерна для чешского речеупотребления, чем для русского. В случае трансформации «модусной» части, как и в случае с «некатегориальным» побуждением, речь идет о тематизации того или иного аспекта содержательной структуры побудительного высказывания, а именно о тематизации действия в презентно-футуральной перспективе (русск. *Я попрошу / (по)просил бы вас зайти*),

тематизации необходимости (русск. *Я вынужден просить вас удалиться*), возможности (русск. *Могу я просить вас спеть еще?*), волеизъявления (*Я хочу / хотел бы вас (по)просить заходить почаще*). Строго говоря, с точки зрения классической теории речевых актов, данные высказывания лежат на границе (или даже за границей) прямых и косвенных речевых актов: формально речь идет о констатации необходимости, вопросе о возможности и т. д. Й. Крекич относит подобные высказывания к *косвенно-эксплицитным перформативам* [Крекич 1993: 11].

Приводимая ниже диаграмма иллюстрирует употребительность названных моделей в нашем извлеченном сплошной выборкой материале.

Употребительность моделей с трансформацией "модусной" части

Языки:

Ряд P1 — русский язык.

Ряд P2 — чешский язык.

Модели:

1. Тематизация действия типа чешск. *Radil bych ti, abys učinil totéž* и русск. *Я бы советовал тебе сделать то же самое; Попрошу освободить кабинет.*
2. Тематизация необходимости типа чешск. *Jsem nucen vás požádat, abyste zůstal* и русск. *Я вынужден просить вас остаться.*

3. Тематизация возможности типа чешск. *Mohu vás požádat, abyste zůstal?* и русск. *Я могу попросить вас остаться?*
4. Тематизация волеизъявления типа чешск. *Chtěl bych vás požádat, abyste zůstal* и русск. *Я хочу попросить вас остаться.*

Как видно из диаграммы, обращение к тематизации возможности, необходимости или волеизъявления⁴ характерны для современного русского речеупотребления в значительно меньшей степени, чем для современного чешского, тогда как к тематизации действия носители обоих языков обращаются приблизительно в равном числе случаев.

При этом чешские высказывания рассматриваемого типа с тематизацией действия в абсолютном большинстве случаев оформлены кондиционалом, тогда как для русского речеупотребления возможно обращение не только к сослагательному наклонению, но и к презентно-футуральной форме индикатива глагола совершенного вида⁵.

Поскольку в обоих сопоставляемых языках подобные трансформации могут рассматриваться в качестве показателя формальной вежливости⁶, в конструкциях рассматриваемого типа уместны лишь формы «неавторитарных» перформативных глаголов, ср. обычность сочетаний *prosil bych..., doporučoval bych..., radil bych...; chtěl bych požádat / poprosit; я бы (no)просил / (no)рекомендовал / (no)советовал*, но не сочетаний **я бы приказал, *я бы хотел приказать*.

В качестве особого случая трансформации «модусной» части эксплицитного перформативного высказывания можно рассматривать его номинализацию типа чешск. *zakazuji, abyste mi tykal* → *zákaz tykáni* и русск. *я предлагаю осмотреть гараж* → *есть предложение осмотреть гараж, прошу закрывать за собой дверь* → *просьба закрывать за собой дверь*. В обоих сопоставляемых языках подобные конструкции крайне малоупотребительны и неоднозначно воспринимаются разными носителями языка: один считает их сугубо официальными, другие, напротив, — подчеркнуто разговорными, выражающими т.н. *альтернативную норму солидарности*.

Редукцию «диктумной» части эксплицитного перформативного высказывания мы склонны видеть в случаях, когда перформативный предикат выступает в роли своего рода комментария к побуждению, выраженному обычной императивной конструкцией или как-либо ина-

⁴ Ю. Д. Апресян говорит в этой связи о «вежливых» перформативных высказываниях типа *Позвольте <разрешите, должен, хочу> вас предупредить, Осмелюсь доложить, Смело вас уверить* [Апресян 1995, Т. II: 203] и отсылает к работам [Fraser 1975], [Davison 1975].

⁵ Впрочем, речь идет фактически лишь о конструкциях со словоформой *попрошу*.

⁶ Ср.: «кондиционал по сравнению с индикативом <...> смягчает категоризм утверждения, делает его менее настойчивым, более вежливым» [Широкова 1983: 95].

че, ср. чешск. *Ale sama za ním nechod'te, radím vám dobře* и русск. *Примите меры, доктор, умоляю!*

При этом «модусная» часть может быть номинализована, ср. чешск. *Rozkaz: Neprodleně vyklidit tábor*, русск. *И мой вам совет: бросьте вы эту мебель.*

Если «диктум» очевиден из ситуации и контекста, конструкция может редуцироваться до формы перформативного глагола, ср. чешск. *To bych neradil* русск. *Не советую, гражданин, не советую.* В обоих сопоставляемых языках подобной редукции чаще всего подвергаются конструкции, содержащие форму *prosím / prosu*, которая при этом десемантизуется — перестает сигнализировать о просьбе и превращается в наиболее общий экспликатор побуждения. В чешском языке этот процесс способен заходить еще дальше и форма *prosím* может функционировать как формальный экспликатор вежливости, ср. идущие подряд примеры из романа М. Капека: *Prosím tě, pojď sem!* (s. 8) ‘Пожалуйста, подойди сюда!’, *Prosím tě, kde?* (s. 10) ‘Боже мой, где?’, *Ano, prosím, taky tady tu stavbu vedle vás* (s. 11) ‘Да-да, и эту стройку рядом с вами’, *My, prosím, v žádném případě nejdem z kopce.* ‘У нас, знаете ли, в любом случае всё в порядке’.

Скрытые перформативы могут рассматриваться как перформативы с редуцированной до нуля «модусной» частью.

В обоих сопоставляемых языках высказывания этого типа можно разделить на высказывания, содержащие глагольную форму (чешск. *Stát!* [← *Přikazují: Stát!*], *Otevřít!* [← *Přikazují: Otevřít!*]; русск. *Стоять!* [← *Я приказываю стоять!*], *Открыть!* [← *Я приказываю открыть!*]) и высказывания, глагольной формы не содержащие (чешск. *Ven!* [← *Přikazují: Ven!*] *Vodu!* [← *Přikazují / Prosím: Vodu!*] *Rychle!* [← *Přikazují / Prosím / Radím: Rychle!*]; русск. *Вон!* [← *Я приказываю выйти вон!*] *Воды!* [← *Я приказываю / Прошу воды!*] *Быстро!* [← *Я приказываю / Прошу / Советую делать то, что ты (вы) делаешь (делаете) быстро!*]). Это деление соотносится, конечно же, с традиционной классификацией побудительных высказываний без императивной формы (ср. [Типология... 1992: 9-10]), которая опирается на *формальные* критерии, тем не менее в пользу подобного деления говорят и некоторые особенности семантики и функционирования скрытых перформативов первого и второго типа.

Так, в обоих сопоставляемых языках инфинитивные побудительные конструкции специфицированы для выражения *категорическое* побуждение, тогда как для скрытых перформативов второго типа (не содержащих глагольной формы) достаточно обычно и их использование для выражения побуждения, не маркированного в качестве категориче-

ского, ср. чешск. *Jen klid!*, *Žádné obavy!*, *Vteřinku!* и русск. *Спокойствие!*, *Минуточку!*

На периферии группы высказываний рассматриваемого типа находятся номинативные высказывания типа *Волна! Машина!*, способные, по нашему мнению, интерпретироваться как эллиптические эквиваленты перформативных высказываний типа *Я предупреждаю тебя (вас), что приближается волна / машина*. В отличие от высказываний типа *Стоять! Воды! Спокойно! Минутку!* подобные высказывания не тематизируют каузируемое действие (объект действия, условия его протекания и т. д.), а лишь называют причину, вследствие которой совершение действия необходимо. В литературе высказывалось мнение о возможности делить номинативные высказывания такого типа «на социально закрепленные слова-сигналы (*Газы! Танки! Тревога!*) и обычные существительные, способные обозначать перемену внешней ситуации (*Осторожно: поезд! Какой-то стук*)» [Воейкова 1988: 41].

Как мы видим, у высказываний подобного типа оказывается редуцированной не только «модусная», но и «диктумная» часть.

Безусловно, в качестве скрытых побудительных перформативных высказываний следует рассматривать и высказывания с побудительными междометиями, ср. *Тсс!* = *'Я прошу / требую / ...: Тсс!'* В числе русских «побудительных междометных предложений» называются такие образования, как *Тпру! Нно-о! На! Тсс! Эй! Айда!* [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 399].

References

- Апресян Ю. Д.* Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. 2-е изд. 472 с.; Т. 2. 767 с.
- Воейкова М. Д.* Оттенки семантики побудительности в номинативных высказываниях // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». Л.: АН СССР, 1988. С. 41.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Ин-т русского языка РАН; Филологический факультет МГУ, 1998. 528 с.
- Кошмидер Э.* Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М.: Иностр. лит., 1962. С. 105-167.
- Крекич Й.* Побудительные перформативные высказывания. Szeged: Jgytf Kiadó, 1993. 241 с.
- Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 22-130.
- Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 170-194.
- Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 195-222.

Типология императивных конструкций / Под ред. Храковского В. С. СПб.: Наука, 1992. 301 с.

Широкова А. Г. Проблематика транспозиции форм наклонений в славянских языках (на материале чешского и русского языков) // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 83-104.

Davison A. Indirect Speech Acts and What to Do with Them // Syntax and Semantics. Vol. 3; Speech Acts / Eds. Cole P., Morgan J. L. New York — San Francisco — London, Academic Press. 1975. P. 143-185.

Fraser B. Hedged Performatives // Syntax and Semantics. Vol. 3; Speech Acts / Eds. Cole P., Morgan J. L. New York — San Francisco — London, Academic Press. 1975. P. 187-210.

Изотов, А.И. Об иллокутивно специализированном побуждении в современных чешском и русском языках // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 15. – С. 62-70. ISBN 317-00123-4